

Statement for Political Asylum

Меня зовут [REDACTED]. Я родилась [REDACTED] года в стойбище [REDACTED] автономного округа Российской Федерации. Соответственно, в настоящий момент я являюсь гражданкой Российской Федерации. Свою нынешнюю фамилию я получила после брака с [REDACTED], а до этого носила девичью фамилию — [REDACTED] года в п. [REDACTED] Российская Федерация.

По национальности я чавчыв (по-русски – коряк), я представитель монголоидной расы и обладаю характерными внешними признаками. Моя национальность и внешность стали причинами большого количества проблем как на [REDACTED] где я родилась, так и позже на материковой части РФ.

Моя родная религия — шаманизм, все мои родные были последователями шаманизма, как и прочие представители моего народа, который я знала. Однако лет назад, в [REDACTED] году, мы с мужем (ещё до свадьбы) стали православными христианами, стали ходить в церковь. Это было осознанное решение, которое я считаю главным в моей жизни. К сожалению, оно привело к тяжёлым последствиям, когда нас стали преследовать за то, что мы оставили родную веру.

Из-за всего этого наша жизнь в РФ стала невыносимой. Мой муж остался там, а я [REDACTED] года прилетела в США просить политическое убежище.

История

Я родилась в стойбище оленеводов, в консервативной семье. Как и все кочевые коряки, мои родители исповедовали шаманизм, и эта религия была навязана и мне. Я никогда не воспринимала её всерьёз, не верила в шаманов и их обряды.

Несколько месяцев в году я жила в интернате, когда мои родители были в тундре. Я училась в общеобразовательной школе, где в классе из тридцати человек представителей моей расы было всего два или три, остальные были русскими,

украинцами и т. д. Тогда я впервые столкнулась с притеснениями со стороны детей

европеоидной расы — меня презирали и называли узкоглазой. У меня не было друзей. Тогда я ещё не знала, что это называется расизм. Я не знала, почему так происходит, как не понимаю этого и сейчас.

После окончания школы я познакомилась с будущим мужем (он тоже коряк по национальности). Он отслужил в армии и после возвращения работал механизатором в совхозе. Я пыталась поступить в филиал колледжа, который тогда открылся в [redacted] где мы жили. Однако приёмная комиссия, на мой взгляд, отнеслась ко мне предубеждённо, это видно было по их ухмылкам и по тем вопросам, которые они задавали. В [redacted] я не поступила и пошла работать продавщицей в продуктовый магазин.

В то же время мы приняли христианство. Оно более отвечало нашим представлениям, в отличие от религии нашего народа. В нём мы видели надежду, и оно помогает нам переживать трудности.

Надо сказать, что это изменило нашу жизнь — от нас отказались знакомые коряки, для них было предательством отказаться от родной веры. Мне как-то удалось сохранить отношения с родными, хотя и натянутые, но родственники мужа были настроены более решительно. Но об этом я расскажу позже.

У нас было мало знакомых — русские не принимали нас, потому что мы были другими. Представителей моей народности на [redacted] вообще не очень много, и большая часть из них живёт в тундре, занимаясь оленеводством. Мы ходили в церковь, где было очень мало православных коряков, на них все оглядывались и шушукались.

Однажды, когда мы возвращались из церкви, к нам подошли несколько европеоидного типа молодых людей, которые, по всей видимости, были пьяными. Они начали приставать к нам, хамить и угрожать. Я пыталась их успокоить, но меня грубо оттолкнули, так что я упала на землю и перепачкалась в грязи, а мужа несколько раз ударили, разбив ему нос и также вываляв в грязи. После этого они, смеясь, обозвали нас «чурками» и «обезьянами» и угрожали переломать все кости, если ещё раз увидят в церкви. «Убирайтесь к себе в тундру», кричали они.

На следующий день мы с мужем пришли в полицию для того, чтобы подать заявление о происшедшем. — небольшой посёлок, и при желании полиция

могла бы быстро установить личности на [REDACTED], заявление у нас не приняли.

заводить дело».

Вскоре после этого в совхозе, где работал мой муж, обнаружилась недостача солярки. Насколько я знаю, официально не было расследования, но обвинили в пропаже моего мужа. Он вынужден был уволиться, и мы жили на мою небольшую зарплату.

Он долго не мог найти новую работу и начал пить. Несколько раз мы ездили к нашим родственникам-оленеводам в надежде на то, что сможем как-то устроиться, но ничего не вышло. У мужа с кем-то из его родственников возник конфликт, когда его пригрозили убить и бросить в тундре, если он ещё раз появится. «Вы теперь русские, - сказали нам, — вы христиане, вот и идите к своим русским. Не то в тундре вас росомахиобглодают.»

Стало ясно, что так жить дальше нельзя. Мы попытались переехать в город [REDACTED], где мужу пообещали работу, но в итоге там тоже не получилось. Нас не принимал наш народ, а для русских мы тоже были чужими.

Мы заняли денег и переехали в [REDACTED]. Я довольно быстро нашла работу продавщицей, параллельно поступила в [REDACTED], что расположен на [REDACTED],

успешно закончила его.

У мужа всё было гораздо хуже. Он не смог [REDACTED] найти приличную работу или поступить в ВУЗ. Однажды он увидел объявление [REDACTED] о том, что полиция набирает

патрульных, которые отслужили в армии. Он подходил под это требование и пошёл по адресу, который был указан, в отдел кадров. Там сначала вообще не поняли, чего он хочет, однако потом начали

[REDACTED] они не набирают азиатов, и в любом случае ему в полиции не сработаться — уволят либо сократят, это если ещё не повесят взятку и наркотики, как это бывает.

В итоге он устроился разнорабочим на завод [REDACTED]

постоянно

заставляли работать сверх смены и в выходные, а однажды, когда он опоздал на 15

минут, мастер

на него накричал и сказал, что «вы чёртовы обезьяны, работать не умеете, ленивые сволочи, так ещё и на работу опаздываете!». Он пригрозил уволить его в том случае, если муж ещё раз опоздает на работу.

Очевидно, что жизнь в

. Русские

неотличают нас, коряков, от вьетнамцев или таджиков, для них мы все «понаехавшие» и «наглые скоты, которые отбирают у нас работу». Это не касалось конкретно нас — это проблема всех людей с азиатской внешностью.

Человеку с неевропейской внешностью сложно снять квартиру — во многих объявлениях прямо указано «сдаём только людям со славянской внешностью». Это кажется странным, но достойный законопослушный человек азиатского происхождения даже с приличной зарплатой обречён снимать квартиры без ремонта на отшибе, потому что они не интересны русским. Большинство хозяев квартир отказывают сразу, как только тебя увидят, даже если они не писали об этом в объявлении.

Это же касается возможной работы — мой двоюродный брат смог получить медицинское образование в

потом, когда он говорил с бывшим коллегой, тот признался в истинных причинах увольнения, о которых все знали от главврача. Всё это было очень унижительно и печально.

В России очень сильна национальная ненависть. С ней сталкиваешься везде — в магазине, на рынке. В метро, когда я однажды ехала, в вагоне было ещё несколько людей монголоидной внешности, и какая-то группа парней начала кричать: «Россия для русских! Россия для русских! На ... хачей и чурок! Валите домой, чебуреки!». Мы все были очень напуганы, что нас могут избить или даже убить, как это бывает в России. Я выбежала на следующей станции и как-то добралась домой.

А потом случилось то, из-за чего я приняла решение бежать из России.

м, потом зашли в

кинотеатр, и возвращались домой.

на самом севере

города, где жили в то время, и пошли домой — до него оставалось около получаса ходьбы. Когда мы отошли от метро, нас окликнули, мы обернулись и увидели компанию бритоголовых людей, которая приближалась к нам. Издалека было видно, что они агрессивны настроены, они громко говорили, приближаясь к нам, и размахивали руками. Когда они подошли, один из них громко спросил: «Вы какого ... тут делаете, мрази черно...ые? Что вы забыли в России?» Я растерялась, а муж попытался объяснить, что мы граждане ещё больше их разозлило, стало понятно, что они хотят нас избить и, возможно, ограбить.

Тогда муж закрыл меня и сказал мне бежать. Всё это было для меня очень тяжело, я не очень хорошо понимала, что происходит. Когда первый из них ударил мужа, я закричала и бросилась бежать. Я была напугана и не отдавала отчёт в своих действиях, это всё происходило автоматически.

я лежала на земле. Я увидела, что муж лежит на земле и закрывает голову руками, а четыре бритоголовых мужчины избивают его ногами.

Я закричала. Наверно, я кричала с самого начала, но теперь мои крики слышали. Я увидела, что от станции метро к нам быстрым шагом идёт какой-то мужчина и что-то громко кричит. Позади него женщина говорила по телефону, я думаю, что она вызывала полицию. Нападавшие убежали, оставив моего мужа лежать на земле.

Я была в шоковом состоянии, но, когда подошла к мужу, увидела кровь на его лице — его несколько раз ударили в лицо. Одежда его была вся в пыли, потому что его били в живот и по спине, на руке была ссадина. Подошли ещё другие люди и стали спрашивать, что случилось. Нас усадили на скамейку, где у меня началась истерика. Там мы дождались полицию и скорую помощь.

Полицейский коротко опросил нас о происшедшем, попросил описать приметы, чтобы найти нападавших по горячим следам. Он спросил у нас документы, как оказалось, у мужа пропали паспорт и бумажник. У нас взяли номера телефонов, а потом скорая увезла нас на медицинское освидетельствование. Мужу диагностировали

закрытую черепно-мозговую травму и множественные ушибы.

Спустя несколько дней мы пришли в отделен[REDACTED] нам сообщил, что никого найти не удалось. Смотрел он на нас при этом с презрением и как будто цедил слова. В конце разговора он спросил, где паспорт мужа. Мы сказали ему, что его украли нападавшие, на что следователь возразил: «А почему я должен вам верить? Вас тут много таких, живёте без паспортов, без регистрации, приехали хрен знает откуда, одни проблемы от вас. Что ни чучмек, то наркотики продаёт или в беспорядках замешан. Может, это вообще вы на них напали, я откуда знаю?»

С его слов получалось так, что нет ни свидетелей того, как нас избили, ни медицинская справка после освидетельствования ничего не значат. В конце концов он сказал: «Если вы утверждаете, что вас избили русские, я хочу сначала услышать их версию. У меня есть статистика, и по ней основная часть преступлений совершается людьми вашей национальности.»

Когда мы всё это услышали, мы были ошарашены. Получается, что ничего не стоят наши права гражданина, что мы тут никто в своей стране, что нас могут убить на улице, а полиция ничего с этим не сделает.

Мы отдали заявление о совершении преступления и утрате паспорта полицейскому, и он сказал, что мы можем идти. Было видно, что ему очень не нравится разговор и общение с нами.

Спустя примерно месяц по почте мы получили уведомление об отказе в открытии уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления. Муж в то время пытался получить паспорт взамен утраченного, но постоянно возникали какие-то проблемы.

[REDACTED]

нехорошо для людей нашей расы. В итоге он его получил, но это затянулось на несколько месяцев.

Таким образом мы поняли, что оставаться в [REDACTED] нас за нашу веру, а русские презирали, точно так же, как здесь. Если мы переедем в другой город в центральной части России, то возникают вопросы, что будет там и что делать, если мы и на новом месте окажемся «узкоглазыми» и «обезьянами». Мы хорошо понимали, что такоерасовая ненависть и ненависть к тем, у кого другая вера, чем у тебя.

В итоге мы пришли к выводу, что у нас есть единственная возможность — уехать в США и просить там политическое убежище. Нам нужно место, где можно жить и не чувствовать себя человеком третьего сорта, а быть законопослушным гражданином.

У нас была открыта виза (мы собирались однажды поехать в Америку в туристических целях, никто не знал, что она нам пригодится в других целях). Это было очень сложное решение, но похоже, что других вариантов у нас не было.

Вот так в январе

в Америке.

Я вынуждена просить убежище здесь, в США, потому что я не могу вернуться в родную страну — для меня опасен любой из её регионов. Ни в какой другой стране у нас нет статуса, ни постоянного, ни даже временного. Это мой единственный шанс сохранить свою жизнь и человеческое достоинство. Получив политическое убежище в США, я смогу вести жизнь свободного человека без опасности преследования по какому-либо признаку, будь это религиозный или расовый признак.

Я беременна, и мне страшно за будущее моего ребенка. Уверена, что ему тоже будет тяжело жить в РФ среди детей, многие из которых имеют расистские взгляды.

Я прошу Правительство США рассмотреть по существу мое прошение и принять твердое решение.